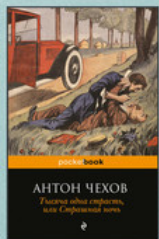

Антон Чехов

Два газетчика

*Часть сборника
Тысяча одна страсть, или
Страшная ночь (сборник)*

Антон Павлович Чехов

Два газетчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495150

*Тысяча одна страсть, или Страшная ночь / Антон Чехов: Э; Москва;
2016*

Аннотация

«Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», человек обрюзглый, сырой и тусклый, стоял посреди своего номера и любовно поглядывал на потолок, где торчал крючок, приспособленный для лампы. В руках у него болталась веревка...»

Антон Чехов

Два газетчика

(Неправдоподобный рассказ)

Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», человек обрюзглый, сырой и тусклый, стоял посреди своего номера и любовно поглядывал на потолок, где торчал крючок, приспособленный для лампы. В руках у него болталась веревка.

«Выдержит или не выдержит? – думал он. – Оборвется, чего доброго, и крючком по голове... Жизнь анафемская! Даже повеситься путем негде!»

Не знаю, чем кончились бы размышления безумца, если бы не отворилась дверь и не вошел в номер приятель Рыбкина, Шлепкин, сотрудник газеты «Иуда предатель», живой, веселый, розовый.

– Здорово, Вася! – начал он, садясь. – Я за тобой... Едем! В Выборгской покушение на убийство, строк на тридцать... Какая-то шельма резала и не дорезала. Резал бы уж на целых сто строк, подлец! Часто, брат, я думаю и даже хочу об этом писать: если бы человечество было гуманно и знало, как нам жрать хочется, то оно вешалось бы, горело и судилось во сто раз чаще. Ба! Это что такое? – развел он руками, увидев веревку. – Уж не вешаться ли вздумал?

– Да, брат... – вздохнул Рыбкин. – Шабаш... прощай! Опротивела жизнь! Пора уж...

– Ну, не идиотство ли? Чем же могла тебе жизнь опротиветь?

– Да так, всем... Туман какой-то кругом, неопределенность... безызвестность... писать не о чем. От одной мысли можно десять раз повеситься: кругом друг друга едят, грабят, топят, друг другу в морды плюют, а писать не о чем! Жизнь кипит, трещит, шипит, а писать не о чем! Дуализм проклятый какой-то...

– Как же не о чем писать? Будь у тебя десять рук, и на все бы десять работы хватило.

– Нет, не о чем писать! Кончена моя жизнь! Ну, о чем прикажешь писать? О кассирах писали, об аптеках писали, про восточный вопрос писали... до того писали, что всё перепутали и ни черта в этом вопросе не поймешь. Писали о неверии, тещах, о юбилеях, о пожарах, женских шляпках, падении нравов, о Цукки... Всю вселенную перебрали, и ничего не осталось. Ты вот сейчас про убийство говоришь: человека зарезали... Эка невидаль! Я знаю такое убийство, что человека повесили, зарезали, керосином облили и сожгли – всё это сразу, и то я молчу. Наплевать мне! Всё это уже было, и ничего тут нет необыкновенного. Допустим, что ты двести тысяч украд или что Невский с двух концов поджег, – наплевать и на это! Всё это обыкновенно, и писали уж об этом. Прощай!

– Не понимаю! Такая масса вопросов... такое разнообразие явлений! В собаку камень бросишь, а в вопрос или явление попадешь...

– Ничего не стоят ни вопросы, ни явления... Например, вот я вешаюсь сейчас... По-твоему, это вопрос, событие, а по-моему, пять строк петита – и больше ничего. И писать незачем. Околевали, околевают и будут околевать – ничего тут нет нового... Все эти, брат, разнообразия, кипения, шипения очень уж однообразны... И самому писать тошно, да и читателя жалко: за что его, бедного, в меланхолию вгонять?

Рыбкин вздохнул, покачал головой и горько улыбнулся.

– А вот если бы, – сказал он, – случилось что-нибудь особенное, этакое, знаешь, зашибательное, что-нибудь мерзейшее, распереподлое, такое, чтоб черти с перепугу передохли, ну, тогда ожил бы я! Пройшла бы земля сквозь хвост кометы, что ли, Бисмарк бы в магометанскую веру перешел, или турки Калугу приступом взяли бы... или, знаешь, Нотовича в тайные советники произвели бы... одним словом, что-нибудь зажигательное, отчаянное, – ах, как бы я зажил тогда!

– Любишь ты широко глядеть, а ты попробуй помельче плавать. Вглядись в былинку, в песчинку, в щелочку... всюду жизнь, драма, трагедия! В каждой щепке, в каждой свинье драма!

– Благо у тебя натура такая, что ты и про выеденное яйцо можешь писать, а я... нет!

– А что ж? – окрылся Шлепкин. – Чем, по-твоему,

плохо выеденное яйцо? Масса вопросов! Во-первых, когда ты видишь перед собой выеденное яйцо, тебя охватывает негодование, ты возмущен!! Яйцо, предназначенное природою для воспроизведения жизни индивидуума... понимаешь! жизни!.. жизни, которая в свою очередь дала бы жизнь целому поколению, а это поколение тысячам будущих поколений, вдруг съедено, стало жертвою чревоугодия, прихоти! Это яйцо дало бы курицу, курица в течение всей своей жизни снесла бы тысячу яиц... – вот тебе, как на ладони, подрыв экономического строя, заедание будущего! Во-вторых, глядя на выеденное яйцо, ты радуешься: если яйцо съедено, то, значит, на Руси хорошо питаются... В-третьих, тебе приходит на мысль, что яичной скорлупой удобряют землю, и ты советуешь читателю дорожить отбросами. В-четвертых, выеденное яйцо наводит тебя на мысль о бренности всего земного: жило и нет его! В-пятых... Да что я считаю? На сто номеров хватит!

– Нет, куда мне! Да и веру я в себя потерял, в уныние впал... Ну его, всё к чёрту!

Рыбкин стал на табурет и прицепил веревку к крючку.

– Напрасно, ей-богу, напрасно! – убеждал Шлепки. – Ты погляди: двадцать у нас газет и все полны! Стало быть, есть о чем писать! Даже провинциальные газеты, и те полны!

– Нет... Спящие гласные, кассиры... – забормотал Рыбкин, как бы ища за что ухватиться, – дворянский банк, паспортная система... упразднение чинов, Румелия... Бог с ни-

ми!

– Ну, как знаешь...

Рыбкин накинул себе петлю на шею и с удовольствием повесился. Шлепкин сел за стол и в один миг написал: заметку о самоубийстве, некролог Рыбкина, фельетон по поводу частых самоубийств, передовую об усилении кары, налагаемой на самоубийц, и еще несколько других статей на ту же тему. Написав всё это, он положил в карман и весело побежал в редакцию, где его ждали мзда, слава и читатели.